

18+ Гала Узрютова

СТРАНА САША

Плюс новое эссе автора

18+

Художник Юлия Узрютова

Гала Узрютова
Страна Саша. Плюс
новое эссе автора

<https://litres.ru/74429194>

ISBN 9785007117685

Аннотация

Популярная экранизированная повесть Галы Узрютовой с новым эссе автора и специальной обложкой от художницы Юлии Узрютовой.

Содержание

Тот день, этот день	8
Гала Узрютова	11
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Страна Саша

Плюс новое эссе автора

Гала Узрютова

Иллюстратор Юлия Узрютова

© Гала Узрютова, 2026

© Юлия Узрютова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-1768-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гала Узрютова

Повесть «Страна Саша» с новым эссе автора «Тот день, этот день», 18+

Автор

Гала Узрютова — поэт, прозаик, драматург, сценарист, автор междисциплинарных арт-проектов, фотопроектов. Автор книг: «Выбор воды» (Редакция Елены Шубиной); «Обернулся, а там — лес» (Русский Гулливер); «Снег, который я пропустил» (Bookscriptor); «All the names are occupied, but one is vacant» (PTP, Canada); «Страна Саша» (Ком-

пасГид); «Я с вами не разговариваю, или Страна Женя» (Абрикобукс).

Лауреат Международной литературной премии им. И. А. Гончарова 2025; лонглистер Национальной литературной премии «Большая книга 2023»; лауреат российско-итальянской литературной премии «Радуга» (Верона, 2019); международных конкурсов Eurodram 2018 и Badenweiler 2016; премии интеллектуальной прозы Bookscriptor 2018; премии им. Н. Н. Благова (2016); спецпремии «Русского Гулливера 2014» и др. Премьера фильма по повести «Страна Саша» состоялась на Международном Берлинском кинофестивале в 2022 году. В 2023 году повесть в переводе Кан Вангу вышла в Южной Корее, в издательстве Sunest. Повесть «Я с вами не разговариваю, или Страна Женя» вошла в топ-лист ярмарки Non/fiction 2025 («Особое детство»), включена в список российских номинантов в Коллекцию IBBY выдающихся книг для детей и подростков с ограниченными возможностями здоровья — 2027. Работала в писательских резиденциях в Вентспилсе, Любляне, Владивостоке, в Переделкине, в онлайн-резиденциях в Нанкине и Мельбурне. Тексты переводились на немецкий, английский, словенский, латышский, литовский, итальянский, корейский, китайский и другие языки.

Художник

Юлия Узрютова — художник, иллюстратор, культуролог.

лог, журналист, создатель практики «Рисуем город по памяти», исследователь городской среды. Сфера интересов — иллюстрация, междисциплинарные арт-проекты, сосредоточенные на городской среде, архитектуре, природе. Иллюстратор книг «Я с вами не разговариваю, или Страна Жень» (Гала Узрютова, «Абрикобукс»), «Фрегат „Паллада“» (Иван Гончаров, Российский фонд культуры).

Основатель ВК-сообщества «Нарисованный Ульяновск. Городской дневник». Автор проектов «Последние динозавры эпохи», «Волжский свей», «Истории старого города», «Виртуальная карта Симбирска-Ульяновска» и др. Лауреат премии в области историографии и литературного творчества «Шапка Мономаха». Участник выставок в Музее современного искусства «Эрарта», галерее «АРТ-МУЗА», выставки в рамках Международного фестиваля комиксов в Ангулеме, выставки городов литературы ЮНЕСКО в Рейкьявике и др.

Персональные выставки проходили в Государственной галерее А. А. Пластова, Музее-заповеднике «Родина В. И. Ленина», в Музее наличников под открытым небом во Владимирском саду, на остановках и в кафе города Ульяновска.

© Тексты Узрютова Г. А. 2009—2026

© Иллюстрация Узрютова Ю. А., 2026

Все права защищены. Никакая часть данной книги не мо-

жет быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав. Охраняется законом РФ об авторском праве.

Тот день, этот день

Есть такие дни, которые помнишь, хотя соседние — вроде бы такие же, в тех же цветах и местах — не запоминаешь. В такой день может ничего не происходить — это не идеальный день, не сбывшийся, а —

день-ветер —

день-качается-тень-от-дерева —

день-звон-посуды-которую-официант-собирает-с-
белых-скатертей-после-завтрака-на-веранде-когда-ты-
идёшь-мимо —

день-тихо —

но этого верно, чтобы остаться на все годы.

И был такой день. Я физически почувствовала, как меня окликнул момент, как он уходил, как свет на балконе менялся, звал — смотри, я случаюсь единственный раз, и ты тому свидетель. На балконе, стёртом прохладным предзакатным туманом, боялась пошевелиться — только бы не спугнуть. Если уйдёт — то уйдёт. Солнце рассеивалось по балкону, заливая полки и вещи на балконе мягким предзакатным светом, уличным гулом и долгим липовым ароматом — и всё обретало свет его.

Как на днях — смотрение на цветы на столе — вздрагивание от падения каждого лепестка — лепестки же тяжелее

света — вздрагивание оттого, что мне передаётся — лепестку от истории увернуться не удалось, и он ударился об пол рядом с другими, упавшими раньше, но лепестков ещё много — вдруг кому-то каким-то чудом удастся (оттого ли некоторые грустят по осени — падающие листья напоминают о почти всегдашней неизбежности, но есть же потемневшие ягоды, которые уже следующим летом морщатся среди новых, гладких, светлых). Вспомнить и ощутить, кто ты есть без имени, лет, ещё до всех твоих фотографий. Ты, каким ты был до всего, когда родился, ибо мы помним это, но этого же и избегаем.

Но — рождается новый день — и ты рождаешься заново. Есть еще несколько минут, чтобы побыть в этом дословесном, что случается, когда из утреннего окна идёт прохлада, — побыть новорожденным, не умеющим говорить, целикомверяющим себя солнечному свету. Так и начинается пребывание в этом дне, куда попадаешь сразу из ночного поезда — неумытый и мятый. Входишь в новый день как в новый город, где никогда не был — вроде всё, как в тех городах, по которым уже ходил, но — другое.

И вместе с тем — знакомое: такой же длинный полдень, то же ритмичное шипение с дороги, тот же аромат ярко белого шиповника с уставшими от жары лепестками, и сандалии — так же — легки на ногах, как тяжёл зонт в руке. Как не пропустить этот день, как не идти по нему с мятой картой вчерашнего дня, где всё знакомо, где уже отмечены и названы

все улицы и парки — следуя этой стёртой карте, не увидишь ничего за поворотом.

Но если войдёшь без карты, не оборачиваясь, следуя топлёному свету, медленному летнему движению, уличным голосам и запаху вымытой дождём травы — окажешься в этом — том самом — дне.

«Страна Саша» — повесть как раз о таком дне. Дне, что длится с того самого момента, когда шел по родному городу сквозь залитые солнцем дворы, и дворы те не кончались, и улицы те — не кончались, и деревья те — стоят до сих пор. Кончалась только плёнка кассеты. Если ты по-настоящему был в том дне, то знаешь: тот день никогда не заканчивается, этот день. А кассету всегда можно поставить на другую сторону.

Гала Узрютова

СТРАНА САША (18+)

Сегодня умер Майкл Джексон, а у меня днюха. Как-то мне не по себе от этого. Не то, что он мог бы и подождать, нет. Майкл ушел, значит, детство кончилось и пора взрослеть. В самом деле. Мне казалось, что он будет всегда, как Том и Джерри или Степашка со своими «спокойными ночами» и женским голосом.

— Хватить ныть, — маман всучила мне сумку с продуктами из супермаркета. — Шестнадцать лет, а все туда же. Господи, кого я вырастила!

— Мужчину?

— Пока нет, но надеюсь, Саш, ты им станешь. Хватит с меня и одного размазни.

Размазня — это она так о моем отце, который бросил нас, когда мне было три года. Ему хотелось стать музыкантом, он сказал нам «гуд бай» и уехал вертеться-крутиться. Как нам потом рассказывали, он пел в какой-то группе, но известным, видимо, так и не стал. По крайней мере, на «Грэмми» мы его не видели. С тех пор каждого мужика-лузера мама называет «музыкант».

В общем-то, у меня все признаки сына, росшего без отца. Я считаю самыми красивыми женщинами маму и Одри

Хепберн.

Люблю есть только то, что готовит мама.

У меня больше друзей-девушек, чем мужчин.

Я периодически плачу.

Я делаю коррекцию бровей.

Я трачу много не своих денег на шмотки. У меня серебряные серьги в ушах.

Я могу не отвечать на звонки, но на мамин сигнал трубку беру всегда.

У меня в коллекции фильмов есть «Амели».

Я знаю, какие прически и одежда годные в этом сезоне.

Я не могу крепко сжать руку или ударить.

Сейчас много кто без отцов растет. Я, например, мало кого знаю с отцом и матерью. Женщины захотели быть сильными, а мужчины увидели, что они на это способны, и, как говорит мама, сели им на шею. Меня вырастили женщины: сплошные тети, бабушки и мамины подруги. Знаете таких мальчиков, к которым все девочки тянутся и просят сходить с ними по магазинам? Вот я как раз из таких. Нет, у меня, конечно, есть друзья-мужчины. Вот Макс, например, у него даже отец есть. Макс — это такой раздолбай. Хоть и взрослый, но раздолбай со взъерошенными волосами и татуировкой в виде льва на плече. Он говорит медленно и уверенно. Хотя иногда глотает окончания, но это его не портит. И даже не мешает ему работать на радио.

У Макса детство кончилось давно. Ему хорошо. Звонит

он мне накануне моей днюхи.

— Ну как, — спрашивает, — началась уже у тебя предденьрожденческая депрессия?

— А то. Слышал про Майкла? А у меня днюха.

— Да, мэн, не вовремя он.

— Мне снилось, что он не умер. Проснулся с полным осознанием того, что, когда к нему в тот огромный концертный зал придут прощаться, он встанет, будет петь и танцевать, а потом начнется его турне.

— Гонишь! Еще Джон Леннон умер и Курт Кобейн, ты в курсе?

Но Майкл потом так и не встал. Думаю, там вообще был пустой гроб, хоть и золотой. Наверняка живет в каком-нибудь захолустье и посматривает, как события развиваются. Но я его понимаю. Он это заслужил. Тяжело быть известным. Ты просто превращаешься в рупор. А в рупор редко говорят правду. Чаще всего то, что хотят услышать.

А сегодня мама хотела отметить мою днюху, только я не хотел. Даже сказал ей, чтобы ничего мне не дарила. Правда, она все равно принесла сумку для ноута. Не люблю отмечать днюхи, и вообще я социофоб социопата. Все равно никто бы не пришел, разве что Макс. Такой день, да и Майкл еще. Видеть никого не хочется. Я с утра сидел и играл в свою железную дорогу. Она у меня большая, почти всю комнату занимает. Там есть станции, жители и даже деревья. Недавно посадил. А мама торт принесла, и что-то так жалко ее стало.

Мама этого не заслужила — она красавица, хоть и риторически замученная. Знаете, бывают такие женщины, которые с виду скромные, а на самом деле — похлеще боксера какого-нибудь. Моя мама как раз такая. Пришлось стать боксером, когда размазня нас бросил. Маму зовут София.

Она родила меня в 18, поэтому мы иногда неплохо вместе смотримся. Сейчас ей 34, работает редактором. Исправляет чужие ошибки и придумывает всякую интересную фигню. Иногда я крашу ей волосы в светлый цвет, и тогда она вспоминает, что хотела девочку.

У нее много любимых фраз.

1. У всех дети как дети, а у меня (продолжение меняется в зависимости от настроения).

2. Видел бы тебя дед — копия! (Это значит, что на маму напала ностальгия и сейчас она начнет вспоминать дедушку, который на железной дороге работал и от которого у меня, собственно, и пошло увлечение игрушечными поездами.)

3. Держите меня семеро! (Первый раз так мама сказала, когда увидела меня с девочкой. Это знак ее удивления)

Я, как и раньше, живу на планете Земля. Не в каком-то богатом доме, а в самом обычном доме Петербурга. Но я не жалуюсь. У меня есть вода, еда и все такое. Чтобы не чувствовать себя ущербным. И достаточно, чтобы забывать о тех, кому нечего есть. За это я себя ненавижу. Но стараюсь воду зря не включать. И еду не выбрасывать. Вот только свет я выключаю не всегда. Но в детстве иногда было так страшно,

что я включал свет во всех комнатах и ждал, пока придет мама.

Мне все говорят, что я красивый. В принципе, согласен. Рост что надо, и волосы такие, длинные немного, темные. Я их не укладываю, они сами знают свое место. Когда я удивляюсь, поднимаю левую бровь. Иногда я выбриваю на ней пробел, и это делает меня немного дерзким. А вообще вид у меня пасмурный. Даже когда мне хорошо. Но мимика обалденная. Я очаровываю. Но я немного пещерный. Есть такие ребята, которые в школах в самодеятельности участвуют, в универах — в КВНах и прочей ерунде. Я никогда таким не был. Это все не мое.

Всю днюху я просидел в своей комнате, немного поработал и потом распечатал табличку «Neverland» — «Неверленд» — и повесил ее с обратной стороны двери.

— Это еще что? — возмутилась маман, когда вернулась с работы. — Мало того, что всю комнату паровозами завалил, так еще и это! Ты повзрослеешь когда-нибудь или нет? Говорили мне, ему отец нужен!

Это маман о своей подруге тете Наташе, или Нателл, как она себя называет. У нее какая-то психологическая консультация, поэтому она думает, что может промывать маме мозги насчет мужиков. Еще она ходит с большой белой сумкой, на которой черным по белому написано «I love Paris». Естественно, вместо «love» там красное сердце. Как говорит моя подруга Даша, таких людей надо обходить под прямым уг-

лом. Хотя она стройная, у нее совершенно по-беременному выпирает странный живот. Чем больше у нее клиентов, тем больше я думаю, что там уже не двойня, а тройня. Но 9 месяцев прошло, а она все не рождает. Вообще, не очень люблю тетю Наташу, но иногда наблюдать за ней интересно. Она похожа на баржу, заправленную слишком тяжело, но еще автоматически держащуюся на плаву. Я никогда не понимал, как эта баржа держится на воде. И я никогда не пойму, как её держат шпильки.

И вот эта самая Нателл-зануделл внушила маман, что мне нужен мужской пример. Нет, я, конечно, не спорю, нужен, но не до такой же степени. С тех пор мама начала вести себя как на распродаже. Хваталась то за одного, то за другого мужика и знакомила меня с ними, то и дело спрашивая, как они мне.

Сумасшедшая Нателл внедрила и другую традицию — рыбалка с дядей Ромой, маминым братом. Несколько раз в месяц он брал меня с собой ловить рыбу, усиленно демонстрируя мужские качества характера. Хотя я и не вдавался в подробности, но, по-моему, ему самому нужен был какой-нибудь дядя Вася. Я удивляюсь, как он мог быть военным. Кроме рыбалки его интересовали только цветы и то, насколько выглажена его рабочая рубашка. Еще он помогал жене вышивать. Вообще, твердо стоят на земле те люди, для которых есть с утра помидоры или колбасу с газировкой — привычное дело. Дядя Рома так умеет. Наверное, ему нравилось со мной возиться, потому что у них с женой две дочери,

а ему хотелось сына, хоть он этого и не показывал. Так что у нас с ним почти рыночные отношения.

Поскольку маман так и не нашла мне отцезаменителя, она постоянно нервничала и раздражалась каждый раз, когда я проявлял, как она выражалась, «женские штучки». Тогда она называла меня размазней или рохлей, вспоминала сбежавшего отца, наливала мартини и валилась в кресло в вытянутой футболке с The Killers. Взяла у меня эту майку, когда свои были в стирке, и прикарманила. По-моему, она даже не знает, кто такие The Killers, но майка ей нравится.

И не только маман такая. Мне кажется, люди вообще слишком большое значение придают чувствам. В детстве они начитаются про принцев и дюймовочек — и пошло-поехало. И собирают это всю жизнь, как снежный ком. Он растет, а они его холят и лелеют. Вот здесь мы гуляли, здесь пили чай и играли в тили-бом, а это наша любимая лужа. Ведь в книгах и газетах пишут про то, что должна быть вторая половинка и что только вдвоем можно быть счастливыми. Некоторые хватаются за чувство, как за последнюю соломинку, а соломинка на то и соломинка, что недолговечная и слабая. Да, мир просто повернут на чувствах.

И вот я живу, а отца все нет. И чего толку мне барагозить, делать татуировку или сбежать из дома, когда толком никто ремня не даст. Разве что мама будет колготками махать, после того как мартини выпьет. Вот жалкая картина — рыдающий сын, развлекающийся в комнате с железной дорогой, и

будто ещё девочка мать, отчаянно ищущая мужа. Я говорил ей, что не надо специально искать — так мы точно никого путного не найдем, но она не унимается. Все это дурацкая Нателл.

А вот мамин бзик насчет моего будущего — это уже ее собственная фантазия.

— Какое рисование, Саш? Все эти твои рисунки — это писульки какие-то! Ты что, с ума сошел? На какого художника? Куда? И кем ты потом будешь? Плакаты рисовать в доме культуры? Посмотри на своего этого отца! Музыканта! Никакой художки! Никакой! Сил моих нет! — эту тираду я даже не пытался прервать.

Я продолжал рисовать, и у меня это хорошо получалось. Так думал не только я. Отец Даши — художник в журнале, и она ему как-то показала мои каракули. Он сказал, что вот уровень наберу и он, может, меня даже на работу возьмет в журнал. А пока я думаю, куда поступать учиться дальше, и продолжаю строить игрушечную дорогу у себя в комнате. У меня уже несколько ярусов, фонари ночью горят, и жители уже могут передвигаться по городу.

В свой журнал меня мама брать не хочет. Во-первых, рисунки — занятие не мужское. А во-вторых, она даже мысли не допускает, что может по благу что-то сделать для своего сына. В журнале бы сразу зашептались, что вот, она своего сына проталкивает. Все так делают, но только не моя мама.

В общем-то, лето как лето — все ринулись в Турцию и

Таиланд, но не нравится мне, что Майкл умер. Не может он умереть, не может детство вот так вот кончиться. Что-то здесь не то.

Когда к нам приходит Нателл, она вечно бросается какими-то психологическими заметками и новостями. А иногда вещает что-нибудь о своих безумных пациентах. У нее специализация — на любви, как она говорит, поэтому она считает себя знатоком этих дел. Иногда развернет журналичко и давай зачитывать. Вот и в этот раз пришла вечером, подарила мне кьерекегоровского «Обольстителя» на днюху и распласталась на нашем белом диване.

— Ученые сделали открытие: для того чтобы доставить человеку удовольствие, нужно поглаживать его со скоростью 4—5 сантиметров в секунду, представляете? — допивая мартини, удивилась она.

— Ох, меня бы кто погладил, — вздохнула маман.

— Дорогая моя, вот вернется Алекс из командировки, я тебя с ним познакомлю, — загадочно прочмокала Нателл, выплевывая косточку от вишни.

Никак не пойму: Мама сама говорит, что Нателл ее порой достает, — так зачем она ей? Все время сводит с какими-то мужиками. А мама не уродина, сама могла бы кого-нибудь найти. Я уже задолбался ходить на эти тест-драйвы мужиков

по наводкам Нателл.

Схема выглядит так.

Шаг первый. Нателл находит кого-нибудь для мамы, или мама сама находит и рассказывает о нем Нателл.

Шаг второй. Они обсуждают друг с другом возможные варианты поведения. Особенно смешно, когда они придумывают всякие уловки. Их послушать, так мужики такие дураки, что на это все ведутся.

Шаг третий. Мама идет в ресторан или в театр с новой жертвой и старается понять, нравится ей этот тип или нет.

Шаг четвертый. Если мужик ей нравится, она как бы ненароком устраивает так, что в ближайшее время на этой встрече с ним оказываюсь я. Ей важно, чтобы мне новый отец понравился. Если кандидат ей не угодил, она придумывает какую-нибудь отмазку. Увы, пока мне никто не приглянулся. Но я говорю маман, чтобы она не обращала на меня внимания. Это ведь ее жизнь, и пусть делает, что хочет. Но она же редактор, поэтому ей нужно, чтобы каждый рабочий материал был утвержден. Только тут я должен утверждать кандидатов. Я редактор мужчин, забавно.

Наконец-то Нателл ушла, и я смог занять свое законное место на белом диване. Маман пришла из кухни с большим бутербродом, и я строго на нее посмотрел. Единственное, в чем я был солидарен с Нателл, так это в том, что наедаться ей по ночам точно не стоит, а то расползется. А тут Нателл ушла, и она расслабилась. Пришлось мне поглощать ее эти

вредные калории. Доедаю за ней, а чего не сделаешь ради матери?

Когда я вышел из душа, маман была сама не своя.

— Знаешь, кто звонил?

— Кто?

— Ни за что не догадаешься — твой папочка! Вспомнил, что у него есть сын! Нет, вы только посмотрите! Объявился через столько лет и глазом не моргнул! Как будто так и надо! Как был, так и остался размазней!

— А чего ему надо-то?

— А ты как думаешь?! Хочет сыграть роль хорошего папочки, который наконец-то осознал свою вину. Смотри — еще приползет со словами «Что я могу сделать для своего сына?»

— И что ты ему сказала?

— Послала подальше — пусть катится на все стороны. Держите меня семеро! Хочет организовать тебе какую-то учебу и забрать в Москву.

— Нормально! Я даже не знаю, хотел ли бы его видеть, а он уже такие предьявы кидает.

— Растишь ребенка одна, а потом объявляется такой вот мистер папочка и играет роль героя, вытаскивающего ребенка из дыры. Опомнися! Может, ему еще красную дорожку постелить?

— И что ты будешь делать?

— А что я должна делать?

— Не знаю. Поговорить с ним. Вдруг он и правда осознал?

— Ага, теперь и ты с ним заодно?!

— Мам, ты же знаешь, я всегда за тебя был в вашей истории. Я видел, как тебе трудно было, ты же знаешь. Просто мало ли что у него могло случиться. Ну, не знаю...

— Что у него могло случиться? Только приступ старческого маразма. Наверняка бросила очередная телка и ему захотелось, чтобы его кто-то пожалел. Неудачник.

Маман пила мартини, а мне вспомнилось, как она работала в школе и еще официанткой по ночам, чтобы нас прокормить. Конечно, она права. Отец глупо поступил, когда вот так вот исчез и даже не помогал нам. Я, кстати, даже не знаю, как он выглядит. Мне иногда хочется посмотреть, похож ли я на него хотя бы немножко. Да и отца мне хотелось бы. Только не такого на самом деле. Сначала он присылал мне подарки на Новый год, а потом и вовсе пропал. Я сохранил его книжку про самолеты, валяется где-то в шкафу, а больше у меня от него ничего нет. Кроме его клеток каких-нибудь или генов, я в биологии не разбираюсь.

Не понимаю, как такие разные мужчины и женщины могут быть вместе. Как вообще женщины и мужчины могут сочетаться. Часто такое наблюдаю, что когда влюбленные обнимаются, то женщина смотрит в объятия или на мужчину, а мужчина — куда-то вдаль. В это, видимо, и есть наше главное различие, разве нет?

Вообще, я боюсь, что вот эта история моих родителей ис-

портит мне жизнь. Я уже какой-то не такой, а что дальше будет? Допустим, у меня серьезные отношения, все вроде нормально, но вот появляются какие-то проблемы с жильем там или работой. Я боюсь, что просто возьму и уйду, как мой отец, вместо того чтобы решать все эти проблемы. Маман, конечно, пытается мне заменить отца, но все это не то.

— Сашка, ты ведь меня не оставишь? — заплакала мама.

— Мам, ну ты что? Ты же знаешь, я с тобой, разве нет?

Я уже понял, как надо вести себя в таких ситуациях — обнять покрепче и гладить со скоростью 4—5 сантиметров в секунду. Ученые подтвердили.

И все-таки интересно, что отец хотел мне предложить такого. Я бы, конечно, не согласился, но знать-то любопытно. Может, у него там все заладилось и он разбогател? А вдруг он хочет вернуть маму? Вряд ли, конечно, да и она не согласится. Забавно, если бы так было. Вдруг откуда ни возьмись в шестнадцать лет у тебя появляется полная семья и все живут счастливо.

— Ладно, Саш, иди ложись. Завтра у тебя рыбалка с дядей Ромой, выспаться надо.

Традиция под названием «Рыбалка с дядей Ромой» мне уже порядком надоела. Все началось, когда мне было двенадцать. Но теперь-то уже шестнадцать, а я все никак не угово-

рю маман, что пора бы с этим заканчивать. Она и так старается изо всех сил. Да и дядю Рому жалко. Он хотя бы попробует себя в роли отца взрослого сына. На самом деле можно даже какую-то пользу извлечь. Хоть чем-то мужским займусь. Не все же рисульки лепать и паровозики по комнате катать.

С утра появился дядя Рома. Всегда предусматривающий все до мелочей винни-пух с возрастным жирком на пузе. Наверное, тетя Таня его хорошо кормит, а по вечерам они гуляют с собакой, но от пуза его это все равно не спасает. Маман, как всегда, напоила Рому чаем, пока я собирал свои шмотки. Главное в рыбацком арсенале — большой дедушкин фонарь, который он мне подарил.

— Видел бы тебя дед, — мама улыбнулась, когда я вышел в своих рыбацких штанах и с удочкой.

— Ну, готов, боец? — подначивал винни-пух.

Рыбачили мы на заливе, и мне нравилось, что здесь никого не бывает. Мы обычно на выходные приезжаем, ставим палатку и ночуем. Ну, костер само собой. Хорошо, что дядя Рома не бард, а то бы завопил про какую-нибудь любимую-моюзайку. До дяди Ромы я даже не знал, как костер разжигать. Единственное, что мне не нравилось, так это убивать рыбу. Поэтому я отпускал ее на волю. А это уже не нравилось дяде Роме, и он все время говорил про меня «гринписовец нашелся». Он же свою рыбу складывал в ведро и гордился ею, как ребенок, собравший больше всех ракушек.

Нет, вру. Есть вторая вещь, которая меня раздражала.

Дядя Рома такой дотошный, что меня иногда выворачивает. Даже дрова должны ровно лежать, и плевать, что мы в лесу. Когда я что-то делал не так, он говорил «отставить» и начинал рассказывать про армейскую дисциплину.

— В армию бы сходил, там бы тебя научили уму-разуму. Я отслужил и не жалею. А сегодня вон — не мужики, а полубабы какие-то, год — и то бояться отслужить. Хлюпики! Ну ничего! Я тебя научу делу-то, научу! Жизнь-то она вот — в маленьких таких делах! Когда-нибудь ты это поймешь!

И как только тетя Таня его выносит? А дочери?

Естественно, даже пиво на нашей рыбалке пить не разрешалось, не говоря уже о сигаретах. Все равно мне нравится дядя Рома. С ним как-то спокойно. Может, это и есть идеальная семья. Вот такая, как у него, не то что у нас с маман. Она все время приводит его семью в пример, и чуть что просит Рому поговорить со мной. Маму всегда особенно заботило, как я проведу Новый год. Ей хотелось, чтобы я был таким же счастливым в этот праздник, как и другие дети. Хотя кто сказал, что дети счастливы на Новый год? Обычные взрослые выдумки. Чтобы сделать меня счастливым, дядя Рома по просьбе мамы каждый Новый год покупал две елки: одну своей образцовой семье и одну — нашей, недоумочной. Наверное, каждая елка хотела попасть в образцовую семью, но каждый год одна из них должна была побывать у нас.

Мне всегда было очень страшно смотреть, как после Но-

вого года все выкидывают елки во двор. Потом приезжают грузовики и куда-то их увозят. Может, где-то есть кладбище елок и они все там лежат? Даже не знаю, я бы не хотел это видеть. Должны же люди как-то думать, что они делают. Я бы просто не смог вот так вот выйти и выкинуть елку. Сейчас уже мы не ставим елку, и у нас есть искусственная. Когда я был еще вообще маленький, я каждый раз требовал с дяди Ромы елку, и он покупал ее, хотя и говорил, что ему жалко дерево. Но я топал ногами, и он соглашался.

И вот, когда наставала пора убирать елку, я долго не отпускал ее. Хотел, чтобы она еще постояла, но мама говорила, что скоро елка начнет осыпаться, а мусора у нас быть не должно. Вот была елка, а вот уже мусор. Тогда мы с дядей Ромой ходили в лес рядом с домом и ставили нашу елку в снег рядом с живыми елками. Как будто она продолжала так расти. Когда я немного повзрослел, дядя Рома стал сам выкидывать елку. Каждый раз, когда он возвращался, я выпытывал у него: ты точно отнес елку в лес? Ты ее не выкинул? Ты поставил ее рядом с другими елками? Он кивал, а я теперь понимаю, что вряд ли он ее ставил. Выбрасывал где-нибудь за домом, наверное. В общем, я тот еще псих.

Я рассказал дяде Роме про звонок отца.

— И что ты думаешь? — осторожно спросил он, переворачивая рыбу на гриле.

— Не знаю. С одной стороны, я понимаю, как он с мамой поступил, с другой — охота посмотреть, какой он. Я ведь его

совсем не помню. А фотки только старые есть. А ты ведь его помнишь, дядя Ром?

— Помню, конечно, — закурил он какие-то крепкие сигареты. — Увивался за твоей матерью, как принц. Приехал как-то на мотоцикле к нашему дому и повез ее катать. Без шлема. Вот дурак. Отец наш тогда взбучку ему хорошую дал, так он не сдался. Мать в истерике. Сказала, что из дома Соньку не выпустит, но та тайком бегала, любовь такая была. Вообще, сначала он мне нравился, крутой такой, знаешь. С мотоциклом. Потом как-то вроде в доверие вошел. Даже в дом стал приходить, хотя родители к нему не смогли привыкнуть, но пришлось терпеть, Сонька без него не могла. Сбежала один раз, вот они и испугались. Свадьба когда была у них, красиво так ехали на мотоцикле: Сонька в белом платье и батя твой в джинсе. Ну а потом-то что дернуло его — не знаю. Соньку бросил, тебя бросил и свалил. Мать твоя на развод подала, суды все эти начались. С алиментами копеечными — и то проблемы постоянно. Я батю твоего — молодого еще — как-то встретил случайно, сказал ему тогда все, что о нем думаю. А ему даже ответить нечего было. Понял, наверное, что дурак дураком. А в итоге? Ни кола, ни двора, ни семьи. Вот будет у тебя семья своя, поймешь.

— Да такими путями не будет у меня ни фиги, дядя Ром, — копошился я палкой в костре и думал об отце. И еще о том, что никогда бы не бросил свою семью, а хотя бы денег им присылал.

— Хочешь с ним поговорить? — с подозрением буркнул винни-пух.

— Хотел бы, но мама не даст.

— А чего с ним говорить? Что он скажет?

— Да нет, понять просто, может. Не знаю. Мне иногда хочется, а потом резко не хочется, когда я вспоминаю, как мама приходила по ночам, выкладывала объедки из ресторана и мы устраивали пир.

— Ну, а чего он скажет? Сейчас переманивать тебя будет на свою сторону. А ты смотри, мать-то одну не оставляй. Она тебя вырастила.

— Да знаю я, дядя Ром.

В общем, лето уже пошло наперекосяк. Я хотел закончить свой цикл картин о двенадцати разных людях. Еще я нарисовал одну девушку, Дашину подругу. Макса нарисовал, хотел еще маму, но дело застопорилось. Вместо этого я нарисовал Майкла Джексона и повесил картину на дверь. А то там, говорят, аукцион с его портретом Уорхола не заладился, зато у меня есть свой портрет.

Я Майкла никогда не слушал особо. Он был где-то далеко и был всегда. Надежно так маячил. И когда все эти дела начались, я стал изучать его жизнь, посмотрел интервью его все, целую ночь просидел. В общем, история повторяется из тысячелетия в тысячелетие. Противно, как люди могут клеветать на других. Теперь будут по кубикам разбирать поместье его «Неверленд». Интересно, а Майкл рыбачил?

Я всё думал, какой мне нужен отец. Ну, вот просто взять если идеал. Само собой, Майкл Джексон, но его-то нет. Или он спрятался и только через несколько лет объявится, а мне пока надо что-то делать. В общем, из маминых кандидатов все какие-то идиоты были. Я так и говорил:

— Мам, ну зачем тебе этот идиот?!

На самом деле мне нравилось проводить время с Максом. Наверное, потому что он старше меня — ему тридцать уже. У меня из сверстников-то и друзей особо нет. Мне неинтересно, о чем они там говорят. У кого мобила новая, кто, сколько и кого в каких позах. У кого велик круче. Смешно на самом деле мериться всем этим. А вот с Максом сошлись как-то, большей частью на почве кино.

Мы познакомились на режиссерских курсах. Он тогда приехал откуда-то из Америки и набирал группу по созданию короткометражек. Я сразу записался, потому что Макс мне понравился. Маме сначала странно это казалось. Вроде взрослый мужик, и чего ему надо от моего сына малолетнего? Но потом она с ним познакомилась, и Макс стал к нам в гости приходить.

В общем, можно сказать, что он такой по внешности Брайан Адамс, только с черными волосами и бородкой. А голос так же хрипит. И высокий. Он похож на свою татуировку со

львом, а когда говорит, то немного проскальзывает акцент и словечки америкосские. Макс рассказывал мне, как сбегал из дома, как отец колотил его за эту татуировку, и потом про женщин своих тоже говорил.

Зато маман меня с ним куда угодно могла отпустить, но как-то его увидела Нателл и начала втирать ей, что это все подозрительно. После этого она перестала пускать меня с ним и настороженно к нему относилась. Но в гости он приходил. Иногда даже, когда меня не было, он помогал маме с мебелью или со шкафом.

Макс носит белые носки и просто свихнут на режиссуре своей, а сейчас вот на короткометражках. Постоянно какие-то сюжеты находит, и мы с ним иногда фильмы снимаем, в сети они даже заметно так продвинулись.

Сегодня мы пошли с ним выбирать одежду. Мне нужны были новые джинсы и пара-тройка маек, а он в этом разбирается так же хорошо, как дядя Рома в своих крючках и опарышах.

— Камон, купим тебе забубенные джинсы! — сегодня он был в настроении, и даже мама не могла устоять перед его чарами и отпустила нас, не забыв сказать, чтобы надели шлемы, когда поедem на его мотоцикле.

Еще Макс приносил мне много американских дисков с рок-музыкой, и я их просто обожал. Никогда не любил слушать музлю на компе, в мобиле, диски — другое дело, это надо понимать. На самом деле, если бы не он, я бы так и

не узнал много джаза и старичков разных из классики. Вот такого бы отца, конечно, но мама на него даже не смотрит. Ей подавай каких-то шкафов в костюмах, которые только и умеют что о бизнесе говорить и о трендах.

Отлично с Максом погуляли и приземлились в нашем рок-кафе. Тут его все знают и сразу с ним здороваются. Меня уже тоже запомнили, но, конечно, такого авторитета, как у него, нет. Макс постоянно хочет познакомить меня то с одной, то с другой официанткой.

— Саш, камон, тебе шестнадцать исполнилось, а ты девочек-то хоть видел? — язвил он, как обычно.

— Макс, да ладно тебе, были, конечно. Знаешь, ничего особенного. Все эти разговоры про секс. По-моему, в них иногда даже больше, чем сам секс.

— Мэн, у тебя просто хорошей девочки не было. Вон смотри, Ольга. Она классная. Я могу познакомить. Это тебе не старый викинг придумал.

Это означало, что в девушке есть изюминка.

— Макс, забей, — это его сводничество начинало меня раздражать.

— О, мэн, кажется, ты совсем запарился. Воц ап?

— Я же говорил, что отец объявился? Ну вот. Я все время об этом думаю. Мама плачет еще постоянно.

— Пусть сами разберутся. Ты пока не лезь. Присмотрись. Смелее будь. Короче, есть три главных правила мужика. Я давно понял. Чтобы расположить к себе людей, надо много

улыбаться и делать вид, что ты знаешь больше, чем они. Это такой PR. Селф-промоушен. Смотри, я молчу, чтобы выглядеть умнее. Причем не просто молчу, а молчу тихо. Некоторые так громко молчат, что это становится заметным. Тогда они выглядят глупо. Потом. Я высказываю свою точку зрения прямо в глаза, без всяких там осторожностей. Вот если я говорю тебе, что ты сюзльзик, я так и говорю. Ну, и третье. Я всегда говорю правду, даже если притворяюсь, что лгу, ю си?

— Ай си. Ай си, — подыграл я Максу. — На самом деле я все это понимаю, но как дело доходит до практики... В общем, мне иногда кажется, что я трус. Я все время боюсь, что буду повторять путь отца, понимаешь? Не знаю, как объяснить. Карма, что ли. Гены, все такое.

— Мэн, все твои проблемы — они у тебя в голове, ю ноу. Поменьше думай обо всем этом стаффe. Если бы было так, как ты говоришь, мир бы уже горел в адском котле, а мы пока гуляем. И одежду даже тебе хотим подобрать. Камон!

— Макс, спросить хотел. Понимаешь, я всерьез хочу заниматься рисованием. Маман, конечно, против, но я думаю, это пройдет, если она увидит результат. Я о чем. Если кому-то понадобятся иллюстрации, реклама там или витрину оформить, свистни, а?

— Да не вопрос, Саш, — он задумался, поправил волосы и продолжил: — Пять сек.

Макс сказал, чтобы я притащил сюда портрет Джексона, который он увидел в моей комнате, и что если он понравит-

ся, то мне за него в кафе дадут какие-то деньги. Даже не верилось.

Я пришел домой радостный, но маман моей радости не поделила, потому что снова звонил размазня.

— В общем, так, Саш, — строго определила она. — Домашний телефон мы больше не берем, я, может быть, даже его отключу. Все равно все, кому нужно, знают наши мобильные, а больше никому нам звонить. Обещаешь мне, что не будешь брать трубку?

— Ладно. Мам, а ты не думала, что надо все-таки с ним поговорить?

— Нет! Даже не проси!

Это означало, что дальше на эту тему разговаривать бесполезно.

Но я хотел поговорить с мамой еще на одну тему. Я рассказал ей, что меня волнует, как я боюсь повтора отцовской судьбы. В сущности, это меня и отталкивало от общения с девушками, кроме дружеского. Конечно, были какие-то лавсторики, но все не то. Я все время думал о том, что я буду их бросать, и мне это не нравилось.

Мама решила позвонить Нателл, чтобы та посоветовала нам хорошего психолога. Она сама специализируется на любовных страстях, а этот ее Одуванчиков, видимо, на от-

цах-неудачниках, решивших восполнить пробел. На самом деле меня эта идея особо не обрадовала. Я и сам могу разобратся, да и Макс бы помог, он знает мужские правила. В конце концов, схожу: вдруг и правда поможет, а так хоть развлекусь и маман порадуя.

И я пошел. Раньше я думал, что только психи ходят в такие консультации, но ничего так — красиво в этом центре. Людей почти нет. Только мой психолог задерживается с предыдущим пациентом. Я уже начал представлять, что сейчас выйдет какой-нибудь доктор Хаус, который сам больше похож на пациента, чем на врача, но мне сказали сидеть у двери и ждать.

Слышался мужской голос, потом и еще женский низкий голос. Наверное, какая-то старая дева ест мозг доктора. Но спустя минут десять оттуда вышла очень даже милая девушка с зареванными глазами. Она уставилась на меня, а я зачем-то еще шире раздвинул колени в стороны. Дева села неподалеку и стала прихорашиваться. Ну да, ну да. Девушки же не могут выйти на улицу с зареванными и ненакрашенными глазами.

Доктор Одуванчиков оказался и правда похожим на пациента. Он нервно жестикулировал и все время полуистерически смеялся. Казалось, он хочет меня задавить своими знаниями, но я ему спуску не давал, все время задавал какие-то дурацкие вопросы. Он говорит, у меня проекция на свою жизнь от отца получилась и надо от нее избавляться.

Вот открытие! А я и не знал! Иногда мне кажется, что им платят деньги непонятно за что. Психологи говорят то, что мы и так знаем, но, быть может, это для нас не так очевидно. Еще он сказал, чтобы мама перестала меня сравнивать с отцом, так как это развивает эту проекцию во мне. Получается, называя меня рохлей и развалиной, она мне постоянно напоминает, что я похож на отца. Но я же не виноват, что он мой отец. И на автоматическом уровне я начинаю закладывать себе отцовскую программу действий. Короче, маман придется немного побороть свои выраженьица, а мне — не думать так часто об отце.

Когда я вышел из кабинета, девушка-рёва все еще сидела там, но уже похорошела.

— Первый раз? — спросила меня она.

— Ага, — пробормотал я как можно равнодушнее. — И, надеюсь, последний. По-моему, он сам псих.

— Да нет, Одуванчиков — хороший психолог, мне помогает.

— Ну и фамилия, — я направился к выходу.

— Меня зовут Женя, — сказала она и пошла за мной.

— Саша.

Не хватало мне познакомиться с девушкой у психолога. Хорошее начало. Псих и рёва у доктора Одуванчикова. Ромео и Джульетта из Вероны отдыхают.

— У тебя плохое настроение? — вышла она за мной на улицу.

— Нет, просто грустно, — а она не так уж и плоха при дневном свете.

— Знаешь, ты не подумай, что я маньячка какая, пристаю тут к тебе. Просто ты мне интересным показался.

— Да ничего. Я тоже не псих. Это мама меня сюда направила. У меня проблемы просто с проекциями. В общем, там долгая история.

В итоге с Женей мы прошлепали прямо до ее дома. Ей 17 лет, она тоже рисует, и у нее все еще запущеннее, чем у меня. То, что она рассказывала, просто не укладывалось у меня в голове.

— В ничем не примечательный день на кухне детского сада, как всегда, готовился обед, — начала она, как будто сказку рассказывала. Было видно, что ей нравится смаковать подробности, но в то же время это приносит ей боль. Я понял, что она уже несколько раз рассказывала эту историю людям, поэтому некоторые фразы как заученные отлетали. — Кто-то чистил лук, другая женщина резала хлеб, а тетя Валя терла морковь. Тетя Валя была самой главной на кухне, и обычно именно она звала всех нас обедать. Пока она не позовет, никто не должен был начинать есть. А я как раз очень хотела есть. Я не выдержала и зашла в обеденную комнату. На стол уже начали накрывать: расставили хлеб, разложили булочки и налили компот. Я подумала, что если возьму кусочек хлеба, то никто не заметит. Но тетя Валя сразу пресекла мою попытку громким криком. Я даже подумала, что у меня

голова лопнет, — так она сильно кричала. «Не смей!!! Тебя еще за стол не приглашали!!!» Я побежала в спальню, где у нас проходил тихий час, и расплакалась. Обедать я, конечно, не пошла. Все стали приходить ко мне и по очереди звать обедать. Я ни с кем не стала разговаривать.

Тут Женя замолчала, мы как раз дорогу переходили. Потом продолжила:

— Я вообще перестала разговаривать. С того самого дня я разговаривала только с мамой и папой, сестрой и одной подругой. Они так расстроились, ведь каждый день, когда мама приходила забирать меня из садика, воспитательница говорила ей, что я молчу целыми днями. Потом я пошла в школу. Я была очень неглупой девочкой, но из-за того, что я ни с кем не разговаривала, некоторые думали, что со мной что-то не так. Мы пришли с мамой в школу рядом с нашим домом. Там строгий мужчина в мятом костюме, пропахшем супом, попросил меня спеть, посчитать какие-то цифры. А я молчала. Я не хотела ему ничего говорить. Я все думала, что вот он, наверное, только что пришел из столовой, там ел суп, суп капнул на пиджак и засох. А еще его волосы тоже пахнут столовой, я в этом уверена. Только, скорее всего, пловом. И он все время обтирал масляный рот платком и ерзал. Препротивнейший дядька. Молчащих детей никому не надо, и меня даже сначала не хотели брать в школу, несмотря на то что я раньше других начала читать и писать. Конечно, родители мое право на школу отстаивали.

Я пытался осмыслить, как так можно — несколько лет не разговаривать. Наверное, у нее хорошая фантазия за это время нарисовалась. А что еще делать ребенку, когда он ни с кем не общается? Придумывать свой мир. И с годами этот мир разрастается, а грань между реальностью и происходящим где-то в полушариях становится похожей на пленку апельсина.

— И что было дальше?

— Сначала я училась в одной школе, где классная руководительница Нина Александровна занималась со мной почти каждый день, и я начала понемногу разговаривать, но редко — в основном с ней. Потом я перешла в другую школу. Казалось бы, на этом все и должно было кончиться. Но нет. Разговаривать я по-прежнему боялась. Если меня спрашивали на уроке, я или молчала, или плакала. И так было до пятого класса. Взять хотя бы английский язык. Он очень легко мне дается, и я всегда делала домашнее задание. Но как только меня просили рассказать выученный текст, я бросалась в слезы. Учительница просто не знала, куда деться, и постепенно совсем перестала меня спрашивать. Наверное, она думала, что я какая-то чокнутая и со мной лучше не связываться. В классе я тоже ни с кем не разговаривала. Некоторые ребята пытались со мной заговорить, но все было бесполезно. Я никому не отвечала. Потом они уже даже пытаться перестали. Теперь ты понимаешь, почему я с тобой заговорила?

— Слов накопилось за много лет?

— На самом деле я стараюсь первой заговаривать с людьми, чтобы как-то робость побороть. Я даже кроме рисования еще и журналистикой занялась, чтобы хоть как-то с людьми научиться разговаривать.

— Слушай, ну это серьезно — то, что ты пережила, разве нет?

— Еще как, но, знаешь, я стараюсь не вспоминать. Ладно, мне пора уже. Вот мой дом.

А дома было еще веселее. Мне никто не открыл дверь, а когда я зашел с помощью своего ключа, то не поверил глазам. Маман и Макс танцевали под «Битлов» и дрались подушками. Вот дела! Такого я еще не видел. Когда они меня увидели, то немного засмутились, но вида не подали. Интересно, это то, что я думаю, или мне показалось? Хотя сейчас меня больше заботила Женя, и я хотел поскорее рассказать все Максу.

— Ну, как думаешь, она не совсем чокнутая? Все-таки столько лет не разговаривала, — выпытывал я у Макса, когда мы остались вдвоем в моей комнате.

— Мэн, а ты не совсем чокнутый — весь день играешь в паровозики в шестнадцать лет?

— Я слишком придираюсь. Кстати, портрет Майкла взяли в рок-кафе, спасибо, Макс.

— Не за что, бро, — пожал он мне руку. — Камон, то ли еще будет! Ты, главное, если решил, что это твое, продолжай

рисовать! И все тут! И какая она, Женя твоя эта? Красивая?

— Да ладно, перестань. Я думаю теперь, что мне делать. Ей же 17 лет, и нафиг я ей не сдался такой маленький, да еще и трус.

— Та-а-ак, началось. Первая трудность, и ты голову в песок. Мэн, ты давай, действуй!

Макс брутален. Нет, я вам точно говорю, Макс брутален. Он, например, пакет всегда рвет, а я развязываю, как дурак. Наверное, есть два типа людей: одни рвут пакет, другие — развязывают. Вот Макс бы уж точно не стал терпеть то, что ему не нравится.

Мне иногда так хочется жить одному. Чтобы как на маяке — и вокруг тихо. Мне много места не нужно. Матрас на полу — я люблю спать на полу — и хватит. Это был бы мой плот, мой ковчег, где все так, как хочу я. Вообще, я люблю жить в гостиницах. Это не привязывает, хотя мне приятно возвращаться домой. Но жить всегда в гостиницах — в этом что-то есть. Или мне так кажется, потому что я там подолгу не жил.

— Слушай, Макс, — продолжил я. — Как бы так невзначай пообщаться с Женей, чтобы она не подумала, что я прям прусь по ней?

— Тебе все сразу надо. Я тебе говорил про новую короткометражку, там есть женская роль. Ну, подкати, Расскажи про кино. Туда-сюда. Может, она роль согласится сыграть. И ты там сыграешь, и потусуетесь, пока то да се, — Макс уже пил кофе, а я дул на свой, потому что я сюльзик. — Пинка

тебе под зад надо, раскачиваешься долго, мэн. Сейчас так нельзя.

Макс как-то сказал, что его отец постоянно повторял ему, что всему есть три причины:

1. тебя никто не любит;
2. магнитные бури;
3. контакт отошел.

И действительно. Очередь в магазине — контакт у про-
водков кассы отошел — ремонтируют. Настроение плохое — магнитные бури. Черная полоса — тебя никто не любит. Этими тремя постулатами можно объяснить все что угодно. Поэтому мы решили не задаваться тупыми вопросами, ведь на все из них ответ уже найден.

Есть несколько вещей, которые меня в Максе удивляют. Например, мне нравится, что, хотя ему и тридцать, он радуется всяким штукам и наворотам, как ребенок. Когда у него веб-камера появилась, он просто с ума сходил и целыми днями выходил со всеми на связь, чтобы опробовать эту зверскую машину. Потом у него появилась настоящая, профессиональная такая камера, и он вообще рехнулся. Снимал даже, как цветы распускаются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.